

<https://doi.org/10.19195/0137-1150.177.3>

Data przesłania artykułu: 20.12.2021

Data akceptacji artykułu: 5.06.2022

JOSEF DOHNAL

Uniwersytet Masaryka w Brnie, Czechy

(Masaryk University Brno, Czech Republic)

Uniwersytet Świętych Cyryla i Metodego w Trnawie, Słowacja

(University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Slovak Republic)

Эпидемия как тест смысла жизни в повести Викентия Викентьевича Вересаева *Без дороги*^{*}

The Epidemic as a Test of the Meaning of Life in Vikentiy Vikentiyevich Veresaev's *Without a Road*

Abstract

The article discusses the thematic core of V.V. Veresaev's novel *Without a Road* (*Без дороги*, 1894). A detailed analysis of the prose lead the author to believe that the depiction of the epidemic in the protagonist's diary has become a catalyst for Veresaev's own views. The way in which the character perceives the epidemic and the aid for the sick focuses on the rudeness, passivity, mistrust displayed by "the people" towards "the intelligentsia." The "people's" aggressive resistance to the protagonist leads him to a mental crisis and, ultimately, death. The depiction of the course of the epidemic revealed the inadequacy of Narodnik notions of the unilateral responsibility of the intelligentsia for the ignorance and misery of "people." The protagonist of this prose can thus be considered a specific subtype of the so-called superfluous man; although he himself is active, he is doomed to failure not only through his own fault (accepting an unviable ideological premise), but to a far greater extent through the fault of those who are unwilling to accept his help and who have punished him for his altruistic activity.

Keywords: V.V. Veresaev, *Without a Road* (*Без дороги*), Narodniks, images of the "superfluous man"

^{*} Příspěvek vznikl v rámci grantu specifického výzkumu Masarykovy univerzity MUNI/A/1331/2020 (ID=57944) Mezislovanské kulturní a literární vazby.

Epidemie jako test smyslu života v próze Vinkentije Vikentijeviče Veresajeva *Bez cesty*

Abstrakt

Príspevek analyzuje tematické ťžištie prózy V. V. Veresajeva *Bez cesty* (*Bez dopozu*, 1894). Analýza prózy vede autora k presvedčení, že zobrazení epidemie v deníku hlavní postavy se stalo pro Veresajeva katalyzátorem, neboť to, jakým způsobem hrdina díla vnímá epidemii a pomoc nemocným, ukazuje a hrubost, pasivitu, nedůvěru „lidu“ vůči „inteligentům“. Agresivní odpor „lidu“ vůči hlavnímu hrdinovi jej přivádí k duševní krizi a nakonec ke smrti. Zobrazení průběhu epidemie odhalilo neadekvátnost narodnických představ o jednostranné odpovědnosti zástupců inteligence za nevzdělanost a bídu „lidu“. Hlavního hrdinu této prózy je tak možné považovat za specifický podtyp tzv. zbytečného člověka; přestože on sám je aktivní, je odsouzen k neúspěchu nikoli jen svou vinou (přijetí neživotaschopného ideologického východiska), ale daleko spíše vinou těch, kdo nejsou ochotni jeho pomoc přijmout a kdo jej potrestali za jeho altruistickou aktivitu.

Klíčová slova: V. V. Veresajev, *Bez cesty* (*Bez dopozu*), narodnici, zobrazení zbytečného člověka

Введение

В статье исследуется ведущая тема эпидемии холеры в повести В. В. Вересаева *Без дороги*. Анализ основан на функциональном подходе¹, исходя из того, что литературное произведение представляет собой иерархически построенную структуру, в которой „... určitá tematika je schopna spojovat, oživit celou diskurzu jako organismus s jeho vlastními potřebami, vlastní vnitřní silou a vlastní schopností přežít“ (Foucault, 2002, s. 58). В аналитической части текста показано то, какое место в произведении занимает данная тема. При этом обращается особое внимание, насколько субъективная точка зрения в фиктивном дневнике главного персонажа направлена на описание внешних примет эпидемии (быт заболевших, реакция на заболевание, отношение к оказываемой помощи и к тем, кто оказывает помощь и т. д.) и на последствия, вызванные отражением происходящих событий в психике главного героя. Детальность описания не столько самой болезни, сколько бытовых мелочей и поведения населения во время эпидемии вызывает вопрос о том, действительно ли уместно связывать повесть прежде всего с выводом о разужении главного персонажа в его способности (и в связи с этим в способности интеллигентов-народников) приблизиться к народу. Именно так чаще всего истолковывается и в литературной критике конца XIX-го века, и в исследованиях творчества В. В. Вересаева вопрос о соотношении героя повести *Без дороги*, являющегося представителем интеллигенции, с терпящим страда-

¹ „V jakémkoli koherentním diskurzu musí korelovat podstata literatury s její funkcí. ... Artefakt má strukturu přiměřenou vykonávání své funkce, spolu se všemi doplňky, které umožňuje čas a materiál...“. R. Wellek, A. Warren, (1996). *Teorie literatury*. Votobia, Olomouc, s. 38.

ния народом, которому надо помогать в его стремлении улучшить свое положение. В некоторых работах, изучающих творчество писателя, о повести почти не говорится. Примечательно, например, то, как на повесть (не) обращает внимание Ю. У. Фохт-Бабушкин: „В. Вересаев был среди первых русских писателей, поверивших в революционеров-марксистов. В 1897 году он пишет рассказ „Поветрие” — своего рода продолжение повести «Без дороги»” (Фохт-Бабушкин, 1990)². Повесть как бы нарушила авторскую концепцию, согласно которой Вересаев на протяжении своей творческой деятельности являлся сторонником революции. Подобно Ю. У. Фохту-Бабушкину Д. А. Новичкова в своей диссертации (2020 г.) *Художественное осмысление противоречивой эпохи и духовного кризиса человека в литературном творчестве В. В. Вересаева* (Новичкова, 2020), почему-то также не анализирует вересаевскую повесть, хотя личный духовный кризис в ней налицо. В этом ключе не совсем точной можно считать характеристику повести в словаре В. Казака (W. Kasack): „Z jeho prózy, vycházející v 90. letech minulého stol. v marxistických čas., získala zvlášť pozitivní ohlas především novela Bez dorogi 1895...” (Kasack, 2000, с. 556).

Анализ текста повести ставит своей целью не поиск ответа на вопрос о восприятии повести литературной критикой на рубеже прошлых столетий или исследователями истории литературы в наше время. В представленной статье не отстаивается или опровергается утверждение о революционности Вересаева в первой половине 1890-х годов. В ней делается попытка найти ответ на вопрос о том, можно ли толковать произведение не только как отображающее личный кризис, личное разочарование главного персонажа в своих способностях, но и как резкое разочарование в самом народе, в его способности стать активным, содействовать своему развитию и улучшению своих жизненных условий. Именно на эти качества народных масс полагались в своих идеалах народники, на них указывали и марксисты, убежденные, что низкий культурный уровень рабочих является прямым следствием их порабощения, поэтому освобождение от гнета вдохновит народ к активному саморазвитию. Повесть, по нашему мнению, настолько связывает эти оба фактора, что нельзя отдавать предпочтение ни одному из них. Попытаемся погрузиться в сам текст произведения, чтобы доказать тесную взаимосвязь обоих субъектов, которая выливается в глубокий пессимизм и в названии, и в содержании финала повести.

² Интересно, что тот же исследователь только гораздо раньше в 1961 г. по-другому отзывался о повести *Без дороги*, увидев в ней факт, что „... народ в массе своей ни в какой мере не проникается гуманистическими идеалами честных интеллигентов, хуже того: он видит в них своих врагов. Символический конец Чеканова: избитый толпой, одинокий и отчаявшийся, герой умирает”. См. Ю. У. Фохт-Бабушкин: В. Вересаев. В. Вересаев, В. В., *Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Повести и рассказы*. Москва: Правда 1961. [онлайн] <https://traumlibrary.ru/book/veresaev-ss05-01/veresaev-ss05-01.html#s002> доступ: 17.04.2022.

Анализ

„...я слишком ясно видел, что правда, жизнь — все в *моем* мирозерцании, что если я его потеряю, я потеряю все” (Вересаев, 1982, с. 69), — это слова Дмитрия Васильевича Чеканова, главного героя повести Викентия Викентьевича Вересаева *Без дороги*, с которыми читатель встречается на первых страницах произведения. Они как будто являются предзнаменованием и жанра повести, так как писатель выбрал форму дневника, последовательно размещенных записей, запечатлевающих субъективные заметки героя о происходящих с ним событиях и, прежде всего, вызванных ими мыслях. Вместе с тем высказанные главным героем слова представляют собой и определенную антиципацию: повторение в самом начале слова „потеряю” наводит на актуализацию одной из возможных трактовок самого названия произведения, которое может обозначать либо неизменное состояние, либо исходный пункт для поиска и открытия нового пути, либо же его полную утрату. Этим подчеркивается субъективный момент в организации внутреннего мира индивида, по сути решающий фактор того, какой будет его жизненная судьба. Мирозерцание, отношение к самому себе и к окружающей среде становятся таким образом основной темой всей повести, на нее направляется фокус писателя. И это, кажется, не случайно.

Интересно, в какой ситуации находился сам писатель, когда задумывал свою повесть и когда над ней работал. В 1894 году, когда повесть была завершена, — Вересаев закончил медицинский институт. Это значит, что он чувствовал определенный перелом в своей жизни. Молодой врач хорошо помнил личный опыт 1892 года, когда, будучи студентом медицинского факультета Дерптского университета, он помогал больным во время эпидемии холеры в Екатеринославской губернии. В повести, благодаря этому факту, отразился его личный опыт по наблюдению за теми условиями, с которыми он реально сталкивался. Они вынуждали его задумываться над явлениями, которые поразили его как медика и с которыми пришлось столкнуться героям его произведения:

В октябре холера кончилась, я собрался уезжать. Вдруг однажды рано утром ко мне прибежал мой санитар, взятый мною из шахтеров, растерзанный, окровавленный. Он сообщил, что пьяные шахтеры избили его за то, что он „связался с докторами”, и что они толпою идут сюда, чтобы убить меня. Бежать было некуда. С полчаса мы сидели со Степаном в ожидании толпы. Много за это время передумалось горького и тяжелого... Шахтеры не пришли: они задержались где-то по дороге и забыли о своем намерении. (Вересаев, 1982, с. 498)

В этом отношении текст повести Вересаева обладает определенной автобиографической документальностью, дополненной и переделанной согласно творческому замыслу молодого писателя, додумавшего и переработавшего данный случай, придавшего ему финал, в котором толпа нигде не задер-

живается. Сюжет произведения стал таким образом и рефлексией опыта писателя, и мысленным экспериментом — по сути экстериоризацией его собственных размышлений, в рамках которых он пытается постичь трудно понимаемое начало, улавливаемое им в поведении толпы по отношению к помогающему им врачу.

Главный персонаж повести, доктор Дмитрий Чеканов, по сути изгнанный начальством со службы земский врач. Он разочарован и как будто обессилен таким исходом его интенсивной работы в провинции. Оглядываясь на последние месяцы прошедших трех лет своей службы, он констатирует:

Подоспел голодный тиф; я проработал на эпидемии четыре месяца и в конце апреля свалился сам, а когда поправился... то оказалось, что во мне больше не нуждаются. Дело сложилось так, что я *должен* был уйти, если не хотел, чтоб мне плевали в лицо... (Вересаев, 1982, с. 70)

Герой повести набирается сил в деревне у своего дяди и находится в ожидании некоего толчка, который открыл бы ему смысл дальнейшей жизни — не очень длинного промежутка времени, который еще остается, так как он болен туберкулезом и ясно осознает, что его ожидает в будущем. Среди людей, которые находятся рядом, самой близкой Чеканову оказывается молодая девушка Наташа, его племянница. Окружающая их обстановка очень похожа на тургеневские сюжеты: и деревня, и усадебное житье, и спокойная атмосфера в семье, и музыка, и природа. Похожи и душевные разговоры героев, в которых отчетливо чувствуется тургеневская традиция: молодая, неопытная, но чуткая и благородная девушка возлагает определенные надежды на уже имеющего жизненный опыт мужчину. Однако, присутствует одно существенное различие. В одном направлении Наташа уже определилась и стала намного активнее тургеневских девушек: она хочет быть полезной и готовится „... для поступления в проектируемый женский медицинский институт” (Вересаев, 1982, с. 87).

Чеканов находится на отдыхе, когда в записке от 26-го июня в своем дневнике записывает: „Никакие вопросы не мучают, на душе тихо и ясно. Я даже книг современных теперь не читаю...” (Вересаев, 1982, с. 88). В той же записке, однако, он замечает, что Наташа вовлекает его в деятельность, которая соответствует ее намерениям — она приводит к нему больных, помогает ему с лекарствами и включает его в разговоры:

...она хочет знать, как я смотрю на общину, какое значение придаю сектантству, считаю ли возможным и желательным развитие в России капитализма. И в расспросах ее сказывается предположение, что я непременно должен интересоваться всем этим. ... Наташа же вносит в дело слишком много страстности, и мне становится неловко. (Вересаев, 1982, с. 89)

Разговоры с Наташей, согласно его восприятию, нарушают спокойную атмосферу идиллической жизни в деревне:

Наташа знает, что я мог остаться при университете, имел возможность хорошо устроиться, — и вместо этого пошел в земские врачи. Она расспрашивает меня о моей деятельности, об отношениях к мужикам, усматривая во всем этом глубокую идейную подкладку, в разговоре ее проскальзывают слова: „долг народу”, „дело”, „идея”. Мне же эти слова режут ухо, как визг стекла под острым шилом. (Вересаев, 1982, с. 89)

Следующая записка от 27-го июня уже служит завязке произведения: „Со станции привезли газеты. В Баку — холера. Она медленно, но непрерывно поднимается вверх по Волге” (Вересаев, 1982, с. 89).

Для Чеканова начинается короткий отрезок времени между тифом в прошлом и холерой впереди, время, осложняемое все больше и больше Наташей. Она все сильнее давит на него, заставляя его сталкиваться в дискуссиях с ее идеалистическим взглядом на служение народу, которому она, не желая жить напрасно, сильно предана. В этот момент его передышка после эпидемии и заболевания постепенно превращается в существование во все более удручающей атмосфере, между двумя эпидемиями, с одной стороны, и между ожидаемым спокойным отдыхом и раздражающими его разговорами с Наташей, с другой. Общаясь с девушкой, он чувствует, что все ее надежды — это его бывшие идеалы и мысли, в которых он разубедился на основе личного опыта и больше в них не верит. Основным результатом осмысления их дискуссий становится внутренняя рефлексия резкого контраста между ним и молодой Наташей, восхищающейся будущим: „...сам я только теперь увидел себя в настоящем свете, увидел, какая безнадежная пустота во мне...” (Вересаев, 1982, с. 98). Основная разница между ними состоит в том, что у Чеканова есть большой опыт прожитого, у Наташи такого нет: она живет идеалами, представлениями. Ментальное состояние Чеканова меняется: наступает время раздумий, хмурых мыслей, чувство тупика. Все это словно подтверждает антиципирующее утверждение об опасении по поводу потери мирозерцания. Уже в записке от 4-го июля Чеканов решает подать заявку и уехать в Слесарск — завязка сюжета закончена, он отправляется туда несмотря на предостережения о враждебном отношении тамошних жителей к врачам.

Последующие события как будто повторяют и личный опыт самого Вересаева, приобретенный им в провинции во время тифа, и прежний опыт героя его произведения, и предостережения друзей Чеканова, и тургеневский прием проверки слов на деле. С точки зрения сюжета важно, что решение уехать „в народ” Чеканов принимает не по идеологическим причинам, а по причине бегства от собственных сомнений и, отчасти, от Наташи, от ее гнетущих вопросов и (в определенной мере незрелых, наивных) представлений. Причем своим поступком он хочет доказать ей, что его душа не очерствела и он действительно хочет любить ближнего своего (что подтверждает его дневниковая записка от 7-го июля) и помогать ему. В мотивировке его решения можно увидеть амбивалентность, неуверенность. Это создает впе-

чатление, что акцент писателем ставится именно на проверке на деле абстрактных идейных установок обоих героев, включая основные постулаты народнической программы, которые легли в основу их собственных идеалов. Сюжетная канва повести, следовательно, выстраивается таким образом, чтобы можно было проиллюстрировать и проверить исходные позиции героев: неопытной молодой девушки, воодушевляемой идеалами бескорыстной помощи слабым, и знания уже опытного врача, который как будто хочет вновь проверить, был ли его личный опыт борьбы с тифом единичным случаем, случайностью, не опровергающим правду народнической программы (т. е. и позиции Наташи). При этом он хочет одновременно найти и смысл своей жизни, которой угрожает чахотка.

Столкновение главного героя с холерой вызывает целый ряд событий, свидетельствующих о добросовестной работе врача и его помощника. Оказывается, что „документальные” пассажи, описывающие конкретное лечение заболевших — не самое важное содержание, передаваемое текстом произведения. Борьба против холеры опять актуализирует слова, которые в дневнике повторялись в самом начале, когда Чеканов вспоминал эпидемию тифа: ему опять приходится „уничтожиться”. Он погружается в работу, сталкиваясь с ужасными условиями и труда, и образа жизни пациентов, и иррациональными предубеждениями населения по отношению к врачам, которые формируют постоянное чувство опасности для его здоровья и жизни.

Оказывается, что наиболее сложное препятствие, с которым ему приходится сталкиваться, представляет собой ментальная отсталость и необразованность населения. Наглядным примером является сцена, в которой Чеканов, находясь непосредственно в семье больного Черкасова выпивает воду из ковша, из которого пил и больной, зная, что заразится. Однако, он не видит другого способа, как переубедить и больного, и его жену в том, что он не хочет отравить его порошком (в записке от 21 июля). Вылечив Черкасова, Чеканов так и не добивается возможности дезинфицировать его комнату и предотвратить распространение болезни, получив в качестве аргумента высказывание жены больного: „Э, все это от бога! — ... — Бог не захочет, ничего не будет” (Вересаев, 1982, с. 124). Полное пренебрежение врача своим здоровьем так и не смогло переубедить Черкасовых: не доктор вылечил, а бог захотел. Ужасные гигиенические условия, недоверие, суеверия, необразованность местных жителей и их откровенная враждебность по отношению к врачам — вот ежедневный опыт самоотверженной деятельности доктора. Именно эти моменты представляют собой тот центр тяжести, в котором высокий энтузиазм врача конфронтирует с пассивностью, инерцией, безразличным отношением и к собственной, и к общественной жизни.

Служение больным заканчивается для врача трагически, кульминационной сценой, когда собравшаяся толпа мужиков нападает на доктора и сурово его избивает:

Человек в чуйке молча скользнул по мне взглядом и вдруг, коротко и страшно сильно размахнувшись, ударил меня кулаком в лицо. У меня замутилось в глазах, я отшатнулся и схватился за голову. В ту же минуту второй удар обрушился мне на шею.

— Го-о... Бе-ей!! — неистово завопил говоривший со мною старик и ринулся на меня, и все кругом всколыхнулось.

От толчка в спину я пробежал несколько шагов; падая, ударился лицом о чье-то колено; это колено с силою отшвырнуло меня в сторону. Помню, как, вскочив на ноги и в безумном ужасе цепляясь за чей-то рвавшийся от меня рукав, я кричал: „Братцы!... голубчики!...” Помню пьяный рев толпы, помню мелькавшие передо мною красные, потные лица, сжатые кулаки... Вдруг тупой, тяжелый удар в грудь захватил мне дыхание, и, даваясь хлынувшей из груди кровью, я без сознания упал на землю. (Вересаев, 1982, с. 143)

Именно в этом эпизоде, по-нашему мнению, нужно искать ключ к толкованию функции описания инфекционной болезни и участия Чеканова в лечении больных в творческом замысле писателя. Что бы он ни делал, сколько больных бы он ни спас своей и своих помощников заботой, все его поступки почти ничего не меняют в сознании людей: не намечается ни малейшего изменения в соблюдении основных гигиенических правил, нет благодарности по отношению к спасающим их жизни врачам, не исчезает ненависть по отношению к нему как выходцу из другой сферы общества. В записке от 29-го июля можно увидеть суть всего, в чем Чеканов убеждается:

...всё, что мы делаем, всё это бесполезно и ненужно, всем этим мы лишь обманываем себя. Какая, например, польза от нашей дезинфекции? Разве не ясно, что она лишь тогда имеет смысл, когда само население глубоко верит в ее пользу? Если же этого нет, то единственный выход — введение какого-то прямо осадного положения: пусть всюду рыскают всевидящие сыщики, пусть царствует донос, пусть дезинфекция вламывается в подозрительные жилища и ставит все вверх дном, пусть грозный ропот недовольства смолкает при виде штыков и казацких нагаек... Да и таким-то путем много ли достигнешь? И вот приходится играть комедию, в которую сам не веришь. (Вересаев, 1982, с. 134)

Записка Чеканова свидетельствует о том, что эпидемия холеры и опыт, приобретенный им во время болезни, усиливают его разочарование не в деле народников, не в целях помогать „народу”, а в самом „народе”. Как показывают отдельные примеры, которые приводятся в его записках, на деле нет никакого „народа” как собирательного целого, а есть конкретные люди в конкретных местах, в конкретных ситуациях. Эти конкретные люди в большинстве своем не хотят ничего менять, не верят „докторам”, живут по сути по традиции, отчасти по „божьей воле”. Они в большинстве пассивны, а активными становятся лишь тогда, когда надо препятствовать тем, кто хотел бы менять их жизнь — они считают это вмешательством. Ко всему новому, как и к тем, кто приходят к ним извне, из другой сферы общества, они относятся с подозрением или даже враждебно. Сцена, когда толпа обрушилась на Чеканова, — наглядное свидетельство реактивной агрессии, на которую „народ” способен, как на воплощение своего враждебного отношения к лю-

бому изменению, на которое якобы их подталкивают извне „интеллигенты”, вмешивающиеся в их повседневный обиход и нарушая его.

Определенная документальность произведения, о которой говорит, например, Виктория Александровна Бондаренко (Бондаренко, 2010), проявляется в описании отдельных примеров поведения и взглядов заболевших, лечение которых предпринял главный персонаж произведения. Эта документальность, кажется, подчеркивает сложность признания факта, который не совпадал с прежними взглядами ни народников, ни писателя как одного из их сторонников. Примером может послужить уже упоминаемый персонаж „из народа”, т. е. Черкасов, который выздоровел, но, несмотря на это, не верит, что его спасла забота доктора, т. е. медицина, не верит, что он был заражен холерой. Последний был убежден в том, что это было ничтожное заболевание и что бог не захотел его жизни. Он также выступил против дезинфекции своего жилья. Ни он, ни его жена не хотят принять ни одного аргумента и ни одного доказательства, которые им озвучивают врач и его помощник. Тупое упрямство и хамство характерны и для большинства других второстепенных персонажей произведения. Однако — назвать их подобными словами Вересаев не отважился, хотя именно в тех пассажах и тупость, и хамство, и упрямство изображены косвенно, но точно. Поэтому писатель так подробно повествует об отдельных случаях, как будто хочет нагромождением фактов внушить читателю посредством их количества информацию, рассказывающую именно об этих свойствах „народа”, которые вряд ли он мог назвать открыто, чтобы его не обвинили (или даже: чтобы он сам не обвинял себя) в антинародности.

В качестве контраста по отношению к негативным проявлениям поведения и убеждений заболевших и их родных писатель описывает несколько персонажей своих помощников — Степана Бондарева, Андрея Снеткова, Василия Горлова, соседку Черкасовых. Они — те редкие лица, которые поняли, кто и что им помогает, они те, кто хочет менять и себя, и условия своей жизни. Даже выздоровевший Черкасов их уважает, по отношению к ним он вежлив и признателен. Именно в связи с ними Чеканов в записке от 3-его августа пишет: „Да, весело жить! Весело видеть, как вокруг тебя кипит живое дело, как самого тебя это дело захватывает целиком, весело видеть, что недаром тратятся силы, и сознавать, — я не хочу стесняться, — сознавать, что ты не лишний человек и умеешь работать” (Вересаев, 1982, с. 133). Это еще одно свидетельство того факта, что Чеканов разочаровывается не столько в своей работе и ее смысле, сколько в преобладающей массе представителей „народа”, живущих своими суевериями, верящих иррациональным подозрениям и враждебных к кому-либо из „интеллигентов”. Это как раз отмечается в записке от 4-го августа:

Я указываю ему на факты, значения которых он не может не понимать, — факты, ясные десятилетнему ребенку; он принужден согласиться со мною; но согласие оста-

ется внешним, оно не в силах ни на волос пошатнуть того глубокого, слепого недоверия к нам, которое насковзь проникает душу зареченца.

А скажи ему то же самое проходяя богомолка или отставной солдат, — и он с полной верою станет исполнять все, ими сказанное, он не станет притворяться фаталистом и говорить: „Бог не захочет, ничего не будет”. (Вересаев, 1982, с. 133–134)

Отсюда трудно согласиться с утверждением Савриной Казимовны Акимовой о том, что „...Чеканов не смог найти пути к сердцу народа” (Акимова, 2019, с. 412). Скорее, наоборот, Чеканов понял суть психологического состояния „народа”, представители которого и как одиночки, и как анонимная толпа оказались в своем большинстве неспособными отреагировать на самоотверженную помощь. Они, исходя из фальшивой логики, по сути предубеждения, что холера появилась только после того, как к ним явились „доктора”, ответили на помощь ничем иным, как недоверием, ненавистью и грубым насилием. Если все отрицательные явления, описываемые в поведении и индивидов, и толпы, как раз и являются проявлениями „сердца народа”, то не только Чеканов, но и Наташа, высоко оценивающая его шаг уехать в Заречье, не могли найти пути к „сердцу” и вряд ли его понимали. Наоборот, — они идеализировали „народ”, поэтому для них столкновение с реальностью стало глубоким разочарованием, которое трудно оценить. Трагическое недоразумение выражено в повторяемом доктором вопросе побитого и недоумевающего его помощника Степана: „За что?” (Вересаев, 1982, с. 139).

Финал повести содержит последние размышления главного персонажа, в которых он приходит к убеждению, что стал бессмысленной жертвой „народа”, в котором он обманывался, поэтому „...мучительно горька обида от него” (Вересаев, 1982, с. 144). Однако, Чеканов почти одновременно, — в противоположность своему опыту, — способен считать себя самого виноватым за то, что не сумел преодолеть пропасть между собой и „народом”:

Мы всегда были им чужды и далеки, их ничто (разрядка В. В. Вересаева) не связывало с нами. Для них мы были людьми другого мира, брезгливо сторонящимися от них и не хотящими их знать. И разве это не правда? Разве иначе была бы возможна та до ужаса глубокая пропасть, которая отделяет нас от них? (Вересаев, 1982, с. 144)

Даже удивительно, насколько убежденным остается он в своей вине и ему подобных, хотя именно он был тем, кто пошел „в народ” бороться с тифом. Он же хотел побороть холеру среди тех, о которых ему говорили, что они враждебны врачам. Герой произведения дважды убеждался в сопротивлении „народа” оказываемой ему помощи. Его обижали, ему не помогали, его советы не слушали, его, наконец, побили — и он видит в этом свою вину ... Он дважды вступил на дорогу, дважды она оказалась тупиком.

Если говорить о каком-то бездорожье в данной повести Вересаева, то надо указать именно на обе импликации этого понятия. Это, во-первых, неспособность главного персонажа точно и однозначно анализировать произошедшее и полученный в нем опыт. Намеки на однозначное, новое для пер-

сонажа понимание ситуации встречаются в его записках, но в самом конце герой возвращается к убеждению, что отношения между интеллигенцией и народом должны налаживаться только с одной стороны, со стороны интеллигенции. Именно в этом убеждении скрыт основной обман, который уже понял герой тургеневской *Нови* Нежданов: народу нельзя навязывать свою помощь, если он не готов к ней, если он не умеет ее ценить и если он даже настроен против нее. Бездорожье, во-вторых, можно увидеть и в преимущественно инертном поведении „народа”; нет у него активного интереса что-либо менять, нет интереса принимать импульсы, помогающие преодолеть отсталость в способе мышления, в знаниях, в образе жизни. Не материальная бедность сама по себе, а апатия, инерция и, как это ни странно и противоречиво, агрессивная пассивность являются по сути теми факторами, которые — с редкими исключениями — обрекают „народ” на его бедное, беспросветное существование. Без дороги, в-третьих, чувствует себя и сам главный персонаж повести: он болеет и знает, что туберкулез возьмет над ним верх. Он также чувствует, что даже привязанность к нему молодой девушки его не радует, так как она оказывается на том же пути к „народу”, который осужден по всей вероятности на то же разочарование, которое испытал он. Однако, Чеканов не хочет ее огорчить, не хочет заразить своими сомнениями.

Заключение

Подытоживая наши наблюдения над функцией темы холеры и ее лечения в повести В. В. Вересаева *Без дороги*, можно утверждать, что эпидемия холеры представляет собой в данном произведении не тематический или идейный центр, а своеобразный катализатор, вспомогательное средство, которое по своему включению в ткань рассказа направляет внимание от внешних событийных перипетий к внутренней, общественно-психологической сути передаваемой информации и у главного героя, и у представителей народа. Тем самым коннотируется то значение, которое иерархически наиболее важно и во имя которого выстроена вся структура повести. Именно в этом аспекте Вересаев расширяет тематический диапазон тургеневских произведений, на которые текст повести не раз прямо или косвенно указывает. Чеканов как одна из разновидностей типажа лишнего человека оказывается в произведении Вересаева лишним по своей вине только отчасти. На свою „бездорожную” судьбу он отчасти осужден внешними обстоятельствами, неподвластными его желаниям и устремлениям, непосильным для одного человека противостоянием лицом к лицу с массой „народа”. Он натывается на своего рода непроходимую стену, возникшую между ним и „народом”. Он дважды прошел через калитку, открывшуюся на короткое время в этой

стене, сделал первые шаги, но его отбрасывают, выгоняют назад, потому что перед ним не дорога, а загороженный стеной тупик.

Похоронены его надежды, умерла его вера в служение ожидающему помощи народу, исчерпаны его психические и, следовательно, физические силы. Своим образом символичен факт, что Чеканова одолевают не тиф, не холера, а свирепствующий в нем самом туберкулез, усиленный именно последствиями внешнего физического насилия и внутренними разочарованием и скепсисом. Внешние факторы совмещены с внутренними, их синтез убийственен.

Несоответствие бытующих толкований повести с ее действительным замыслом отметила в своей дипломной работе Карин Хермине Мария Траунмюллер: „Парадоксальным является тот факт, что повесть была напечатана именно в журнале «Русское богатство», который возглавлял Н. К. Михайловский, один из признанных идеологов народничества. И ни сам Михайловский, ни многие из критиков не заметили противонароднический пафос произведения...» (Traunmüller, 2010, с. 190). Результаты нашего анализа говорят не о противонародническом пафосе, а скорее о моменте прозрения: в текст дневника Чеканова последовательно встроены указания на несостоятельность предвзято-оптимистического убеждения и народников, и марксистов, которые ожидали повышения культурного, социального и жизненного уровней народа при его же активном участии. Такого, однако, в превалирующей мере среди народа не существовало. Пользуясь темой эпидемии, произведение дает достаточно импульсов именно для такой трактовки, которая ставит под угрозу саму жизнь отдельных представителей народной стихии. Одновременно, текст таким же наглядным способом указывает на то, что даже эпидемия не способна побудить „народ” активно менять основные устои своего быта, идти активно, от самого себя навстречу тем, кто и просвещает, и активно помогает. Повесть в этом отношении отрицает „живую жизнь”, активное отношение к жизни, способность самостоятельно участвовать в поисках лучшего именно на стороне народа. Такое изображение народа как почти однородного пассивного, реактивного целого, не совпадает с традицией русской литературы XIX-го века, как минимум с работами В. Г. Белинского, считавшего народ носителем основных положительных черт русской национальной самобытности.

Кажется, определенное нежелание, а, может быть, и подспудные опасения допустить признание за народом пассивности, инерции и даже агрессивного отношения к тем, кто хотел бы ему указать путь из такого положения дел, стало основным препятствием для глубокого и беспристрастного толкования функции темы эпидемии в вересаевском произведении.

Библиография

- Акимова, С. К. (2019). Народ и интеллигенция в творчестве В. В. Вересаева. *Мир науки, культуры, образования*, 3 (76), с. 411–413 [Akimova, S. K. (2019). Narod i intelligenciya v tvorchestve V. V. Veresaeva. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 3 (76), s. 411–413].
- Бондаренко, В. А. (2010). „Без дороги” В. В. Вересаева как образец „смеси образа и публицистики”. *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*, 1, с. 125–129 [Bondarenko, V. A. (2010). «Bez dorogi» V. V. Veresaeva kak obrazec «smesi obraza i publicistiki». *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika*, 1, s. 125–129].
- Вересаев, В. В. (1982). Без дороги. В: Вересаев, В. В. *Сочинения. Том первый. Повести и рассказы 1887–1903* (с. 68–145). Москва: Художественная литература [Veresaev, V. V. (1982). *Bez dorogi*. V: Veresaev, V. V. *Sochinenija. Tom pervyj. Povesti i rasskazy 1887–1903* (s. 68–145). Moskva: Hudozhestvennaja literatura].
- Новичкова, Д. А. (2020). *Художественное осмысление противоречивой эпохи и духовного кризиса человека в литературном творчестве В. В. Вересаева*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Мытищи. [онлайн] <https://www.dissercat.com/content/khudozhestvennoe-osmyslenie-protivorechii-epokhi-i-dukhovnogo-krizisa-cheloveka-v-literaturnom-tvorchestve-v-v-veresaeva> [Novichkova, D. A. (2020). *Hudozhestvennoe osmyslenie protivorechivoj jepohi i duhovnogo krizisa cheloveka v literaturnom tvorchestve V. V. Veresaeva*. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Mytishhi.
- Фохт-Бабушкин, Ю. У. (1961). В. Вересаев. В: Вересаев, В. В. *Собрание сочинений в пяти томах. Том I. Повести и рассказы*. Москва: Правда. [онлайн] [доступ: 17.04.2022] <https://traumlibrary.ru/book/veresaev-ss05-01/veresaev-ss05-01.html#s002> [Foht-Babushkin, Ju. U. (1961). V. Veresaev. V: Veresaev, V. V. *Sobranie sochinenij v pjati tomah. Tom I. Povesti i rasskazy*. Moskva: Pravda].
- Фохт-Бабушкин, Ю. У. (1990). В. Вересаев — легенды и реальность, В: Вересаев В. В.: *Сочинения в четырех томах. Том I. Повести. В тупике: Роман* (с. 3–33). Составление Ю. Фохт-Бабушкина. Москва: Правда. [онлайн] [доступ: 17.04.2022] http://az.lib.ru/w/weresaew_w_w/text_0070.shtml [Foht-Babushkin Ju. U. (1990). V. Veresaev — legendy i real'nost' V: Veresaev V. V.: *Sochinenija v chetyreh tomah. Tom I. Povesti. V tupike: Roman* (s. 3–33). Sostavlenie Ju. Foht-Babushkina. Moskva: Pravda].
- Foucault, M. (2002). *Archeologie věděni*. Praha: Hermann & synové.
- Kasack, W. (2000): Veresajev. In: *Slovník ruské literatury 20. století*. Praha: Votobia, s. 556–557.
- Traunmüller, K. H. M. (2010). *Po sledam Gippokrata. Auf den Spuren von Hippokrates — das Artz-bild in den Werken von A. P. Čechov und V. V. Veresaev*. Wien: Universität Wien.
- Wellek, R., Warren, A. (1996). *Teorie literatury*. Olomouc: Votobia.